
ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.25

*И.Е. Финкельштейн****КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ВЫБОРА
В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ А. ЩЮЦА**

Статья посвящена проблеме выбора в феноменологической социологии А. Щюца. В работе акцент сделан на описании процесса формирования выбора в повседневной жизни. Обосновывается необходимость отказа от абстрактных моделей рациональности и введения концепта «повседневной рациональности» для понимания процесса формирования выбора в потоке жизненных ситуаций.

Ключевые слова: выбор, рациональность, драматическая репетиция, степень правдоподобия, запас наличного знания.

А. Щюц предлагает феноменологическое решение проблемы выбора. В своих работах он обосновывает необходимость отказа от *методологически удобных моделей* при изучении повседневности, по формулировке Х. Йоаса [1, с. 11, 32], и поиска теоретико-методологических оснований выбора в самом повседневном опыте [2]. Остановимся подробнее на концепте *рациональности* в феноменологической социологии, поскольку данная тема принципиально важна для феноменологического анализа феномена выбора. В своей работе «Проблема рациональности в современном мире» Щюц пишет: «В повседневной жизни мы чрезвычайно редко действуем рационально, если понимать данный термин в том смысле, который предусмотрел для него... профессор Парсонс. Мы даже не интерпретируем рационально окружающий нас социальный мир, разве что при особых обстоятельствах, заставляющих нас отказаться от той базисной установки, в которой мы просто живем своей жизнью» [3, с. 75]. Основоположник феноменологической социологии, обращаясь к своему не менее выдающемуся современнику, представителю структурного функционализма Т. Парсонсу, имел в виду следующее определение рационального действия, сделанное Парсонсом: «Действие рационально в той мере, в которой оно преследует цели, достигаемые в условиях данной ситуации и при помощи наиболее подходящих средств, которыми располагает актер. «Наиболее подходящими» считаются средства, оцениваемые с точки зрения критериев, устанавливаемых и верифицируемых позитивной эмпирической наукой» [4, с. 49]. Щюц, напротив, осуществляет анализ рационально-

* © Финкельштейн И.Е., 2015

Финкельштейн Ирина Евгеньевна (finik82@mail.ru), кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

сти не с позиции научных абстракций, а с позиции повседневного опыта. Классическая социология «навязывает индивидам собственное определение рациональности, тогда как феноменология призывает к исследованию различных форм рациональности, которым в действительности следуют действующие лица» [2, с. 232]. Описывая множественные смыслы рационального, часто противоречащие друг другу, он пытается уйти от излишней научности, с определенной долей неуверенности называя приведенные им значения рационального «концептуальной схемой» исследования повседневного поведения [3, с. 80]. Рассмотрим выделенные Шюцем смыслы рационального последовательно.

1. *Рациональное как разумное.* С первых же строк анализа Шюц указывает на *двусмысленность* рационального в повседневной жизни. С одной стороны, действовать рационально или разумно — значит использовать модели поведения, которые прошли проверку. С другой стороны, под рациональным поведением часто понимают, наоборот, отказ от механического следования предшествующему опыту, поиск новых способов решения. Надо заметить, что в некоторых современных социологических теориях наблюдается попытка справиться с этой двусмысленностью. Примером могут являться «габитусы» П. Бурдьё или «привычки» Дж. Ходжсона. Согласно данным концепциям, действия, схемы мышления, восприятие определяются некими структурами сознания, сотканными из опыта, однако следование данным структурам происходит не механически, несмотря на их определяющее значение в повседневной жизни, субъекту действия приписывают способность анализировать ситуацию и принимать нестандартные решения в новых условиях [5; 6].

2. *Рациональное как обдуманное.* Еще больше пищи для размышлений дает нам отождествление «рационального действия» с «обдуманным поступком». Шюц выделяет четыре значения «обдумывания», но из них только последнее приближено к нормативному пониманию рациональности.

— «Рутинное действие в повседневной жизни является обдуманным постольку, поскольку всегда отсылает к изначальному акту обдумывания, который некогда предшествовал построению формулы, ныне принимаемой действующим лицом в качестве стандарта его действительного поведения» [3, с. 80]. Здесь, на мой взгляд, Шюц обращает внимание на очень важную мысль, которая, как правило, при исследовании рутинных практик выводится за скобки анализа. Любому рутинному действию предшествует обдумывание.

— Обдумывание также может означать «понимание применимости рецепта, который оказался успешным в прошлом, к настоящей ситуации» [3, с. 80]. В данном случае человек, находящийся в процессе принятия решения, обращаясь к своему успешному опыту, мыслит индуктивно. Однако, действует опять же не механически, а сопоставляя прежний опыт с новыми условиями, размышляя над его адекватностью настоящей ситуации.

— Обдумывание как «предвосхищение результата». Здесь рациональность сводится к действию по мотиву, который Шюц называет «для — того — чтобы». Название мотива подчеркивает телеологическую природу действия, его устремленность в будущее.

— И последнее значение обдумывания как выбора между различными вариантами поведения. В этом аспекте Шюц опирается на работы Дж. Дьюи, для которого «обдумывание» представляет собой «драматическую репетицию в воображении различных конкурирующих друг с другом возможных линий поведения», которую он определяет, как «экспериментальное изготовление различных комбинаций отобранных элементов привычек и импульсов с целью увидеть, каким будет вероятное результирующее действие, если к нему приступить» [3, с. 117]. Шюц заменил концепцию «привычки» Дьюи более широким понятием — «запас наличного знания» и назвал такой метод обдумывания «мышлением в будущем совершенном времени» [3, с. 84]. Человек, находящийся в ситуации выбора, мысленно помещая (перемещая) себя в буду-

шее время, проигрывает различные варианты в своем сознании, а содержательно такие альтернативы возникают из сложившегося к моменту выбора запаса знаний. Надо заметить, что именно при таком обдумывании проблема выбора осознается действующим лицом, «входит в сознание» [3, с. 81]. Хотелось бы подчеркнуть, что понятия «драматической репетиции», «мышления в будущем совершенном времени» являются важными категориями для понимания феноменологического подхода к проблеме выбора.

3. *Рациональное как спланированное, спроектированное.* Однако Шюц ставит под сомнение, что спланированность является отличительной характеристикой исключительно рационального действия. Более того, следуя этой логике рассуждений, можно сказать, что рутинные практики вписаны в «структуру наших планов» и «они служат инструментами реализации» поставленных целей: «Вероятно, вся рутинная работа является орудием достижения целей, которые находятся за рамками рутинной работы и ее детерминируют» [3, с. 81].

4. *Рациональное как предсказуемое.* Однако в повседневном знании мы не можем говорить о предсказуемости с позиции истинности, как это происходит в научном знании. Но если человек, размышляя в «будущем совершенном времени», проигрывает мысленно различные линии поведения и выбирает одну из них, то этот выбор должен совершаться на основе какой-то оценки по определенным критериям. Так, Шюц вводит в анализ «оценку правдоподобия» [3, с. 82]. Таким образом, в повседневной жизни модели поведения оцениваются с точки зрения их правдоподобности.

5. *Рациональное как логичное.* Для анализа повседневного действия не может быть применена система логики, строящаяся на ясных и четких понятиях — идеализациях. Поскольку повседневное знание «биографически детерминировано», имеет четкую пространственно-временную привязку, связано с «наличной ситуацией мыслящего», то мы и не можем говорить о логике в традиционном смысле [3, с. 82].

6. *Рациональность как выбор между целями или несколькими средствами достижения цели.* Такой «концептуальной схемой» Шюц подчеркивает неконструктивность применения модели «абсолютной рациональности», «научной рациональности» к изучению повседневности. Позиция автора указывает на множественность рациональности, которая приобретает различные формы. Данные тезисы ценны не только ответами на сложные вопросы, но и самой постановкой вопросов. А. Шюц разрывает привычное для классического научного знания противостояние рационального и рутинного и осуществляет поиск связи между ними. С одной стороны, напоминая о том, что многим рутинизированным практикам предшествовали когда-то принятые решения, а с другой стороны, предлагая рассматривать повторяющиеся действия как инструмент или средство достижения определенных целей.

Рациональность — ключевая, но не единственная категория, необходимая для понимания феноменологической модели выбора или принятия решения. К таким категориям также относится «запас наличного знания», упомянутый выше. Любое действие — от мыслительных актов до поведенческих, на всех этапах его совершения — от определения ситуации до выбора сценария решения из имеющихся альтернатив — определяется «биографически детерминированным знанием». Шюц определяет это знание следующим образом: человек, находясь в определенной ситуации, испытывает не только «перцептивные переживания», связанные с конкретным местом, но и влияние «биографической ситуации», «личной истории», с которой он подошел к данному моменту времени. Такой «запас наличного знания», складывающийся из пережитого лично и социально полученного от других опыта, Шюц определяет как «осадок всех наших предыдущих восприятий» [3, с. 383].

Учитывая значимость категории «запаса наличного знания» как для анализа проблемы выбора в частности, так и для понимания природы повседневного человеческого мышления, восприятия, действия в целом, выделим его основные черты.

– Запас наличного знания *биографически детерминирован*, состоит из личного и социально приобретенного опыта. «Из наследия и воспитания, из многочисленных влияний традиции, привычек и собственных прежних размышлений выстраивается его запас опыта» [3, с. 78].

– Это знание, которое автоматически находится всегда «под рукой». К каждому новому действию мы подходим с определенным «биографически детерминированным» запасом наличного знания, который сложился на тот момент времени.

– *Неоднородность* наличного знания. Запас знания «содержит в себе самые разные типы знания, находящиеся в крайне рассогласованном и спутанном состоянии. Ясные и отчетливые переживания перемешаны в нем со смутными догадками; предположения и предрассудки соседствуют с хорошо проверенными сведениями» [3, с. 79].

– *Оценка правдоподобия* элементов запаса наличного знания. «Нигде нет гарантии надежности всех тех допущений, которыми мы руководствуемся. С другой стороны, нам достаточно этих переживаний и правил, чтобы справляться с жизнью. Наше знание повседневной жизни не лишено гипотез, индукций и предсказаний, но все они имеют приблизительный и типический характер. Идеал повседневного знания – не достоверность и даже не вероятность в математическом смысле, а всего навсего правдоподобие» [3, с. 79]. Элементы запаса наличного знания имеют различную степень правдоподобия – от слепого верования, «животной веры» до эмпирической вероятности, когда знание принимается как правдоподобное в данный момент времени [3, с. 296].

– Предвосхищение будущего на основе запаса наличного знания – это всегда только *надежды и ожидания*. Поэтому, оценивая совершенные поступки, актер отвечает на вопрос, насколько оправдались его ожидания.

– Согласованность такой неоднородной системы знания возможна благодаря ее *типичности, интерсубъективности*. «Такого рода знание и его организацию я бы назвал, по аналогии с кулинарным искусством, «знанием рецептов» [3, с. 79]. Природа этого знания удивительна. С одной стороны, оно биографично, индивидуально, с другой стороны, типично. Общий, интерсубъективный мир у Шюца обосновывается двумя тезисами: о *взаимозаменяемости точек зрения* и о *сопоставлении систем релевантностей*, – это обоснование Шюц приводит в разных своих работах, но наиболее развернуто в работе «Обыденная и научная интерпретация человеческого действия», а также в систематическом исследовании «Размышления о проблеме релевантности». Как справедливо пишет А.М. Корбут: «невзирая на уникальный опыт и биографическую ситуацию каждого отдельного индивида», у Шюца происходит «конституирование общего, всеми разделяемого мира» [3, с. 15; 7, с. 70].

Особый интерес представляет структура запаса наличного знания, выделенная Шюцем, с точки зрения связи элементов «запаса» с проблемой выбора. А. Шюц выделяет три группы.

1. Непроблематизированные объекты, которые не подвергаются сомнению, не участвуют в выборе.

2. Проблематизированные объекты, которые подвергаются сомнению, проходят так называемый процесс обзора. «Но этот процесс вопрошания или сомнения не приводит к какому-либо решению, к принятию одной из проблематичных альтернатив, а возможно, даже и к установлению подлинно проблематичной альтернативы» [3, с. 134].

3. Объекты как подлинные альтернативы представлены к выбору, в терминологии Карнеада, «к разбору». Лишь некоторые элементы запаса наличного знания проходят процесс обзора, еще меньшее число – разбора: «...подлинные альтернативы, происходящие из ситуации сомнения, “представлены к выбору”, причем каждая из них имеет собственную весомость. Я пришел к решению, сделав ставку на одну из них. Избранное, однако, трансформируется самим актом выбора в убеждение о его возможности,

которую я склонен рассматривать как обоснованную, хотя и “до последующего уведомления”» [3, с. 132].

Как актер делает выбор? Сравнение альтернатив, представленных к выбору, происходит на основе оценки *правдоподобия*. Различные проекты действия остаются альтернативами, пока не сделан выбор. Как только выбор совершен, принимается решение, которое с точки зрения субъекта действия признается обоснованным, и уверенность в нем достигает уровня «эмпирической достоверности» (Э. Гуссерль). Другие проекты имеют более низкую оценку правдоподобности и могут иметь характер эмпирической вероятности или возможности, которая может проявляться на разных уровнях: доверия, «животной веры», мнения. Альтернативе, которая выбирается как проект действия, самим выбором присваивается более высокая степень правдоподобности. Эмпирическая достоверность — более обоснованное знание, соответственно, надежды на достижение поставленной цели и ожидания от результата значительно выше, чем при эмпирической возможности/вероятности. «Эмпирическая достоверность» указывает на то, что выбранный проект с точки зрения актора имеет большую степень правдоподобности в данной ситуации в конкретный момент времени. Поэтому Щюц и подчеркивает, что статус более правдоподобного варианта не является аксиомой и закрепляется за проектом «до последующего уведомления» [3, с. 132].

Возникает вопрос, что оказывает влияние на определение степени правдоподобия альтернатив? В первую очередь это связано с ситуацией образования знания, которое оседает в памяти. Например, можно предположить, что знания, полученные в результате профессионального образования или изучения статистики, имеют достаточно высокую степень правдоподобия. Основываясь в своем выборе на таком знании, актер оценивает его как достоверное, можно сказать, приписывает ему статус достоверного. Однако есть и контраргументы. В качестве иллюстрации можно взять размышление А.М. Мол в статье «Множественное тело»: «Взять хотя бы статистику смертности... Эпидемиология говорит, что у мужчин инфаркт случается чаще, чем у женщин... Допустим, умерший — мужчина. И поскольку инфаркт — статистически вероятная причина смерти и то, что здесь произошло, более или менее похоже на инфаркт, врач пишет “инфаркт”» [9]. Из примера А.М. Мол видно, как запас наличного знания определяет наше поведение в рамках профессиональной деятельности врача. При этом знания, имеющие высокую степень достоверности, с точки зрения доктора, на самом деле далеки от идеала научной достоверности.

Еще один важный для данной статьи вопрос, который поднимает Щюц: всегда ли выбор лежит в основе совершения действия? И в отличие от «нормативного» для классической социологии понимания рациональности и природы человеческого действия представитель феноменологической теории отвечает на этот вопрос отрицательно. Выбор возникает только в ситуации сомнения, в остальных случаях действует «естественная установка», практическая обыденная установка повседневной жизни [3, с. 402, 418], которая принимается на веру. Выход из этой установки, ее эпохе возможен только в ситуации сомнения [3, с. 123–125].

Итак, сузим проблему и попытаемся на основе работ Щюца построить модель действия в ситуации выбора.

Определение ситуации. Определение ситуации происходит на основе переживаний в данный момент и биографически детерминированного «запаса наличного знания». В этой фазе сосредоточенность индивида на определенной проблеме переводит ее в статус «темы», «тематического переживания». Затем происходит выделение горизонта — нетематических переживаний, релевантных и нерелевантных теме моментов. Другими словами, сознание структурирует весь поток переживаний на тематические и горизонтные (нетематические). Вслед за А. Бергсоном и У. Джеймсом Щюц подчеркивает важность практического интереса, который управляет процессом отсеивания вто-

ричных переживаний, абстрагирования от них и направления «луча внимания» (по Э. Гуссерлю) на формирование тематического ядра. В противном случае невозможна реализация проекта, невозможно действие. Однако Шюц предостерегает от приписывания прагматическому мотиву исключительной роли, подчеркивая значение восприятия ситуации во внешнем мире и биографической ситуации.

Обзор альтернатив. Альтернативы – это элементы осевшего на данный момент знания, которые релевантны ситуации. Однако, не все из них становятся «подлинными альтернативами», представленными к выбору.

На следующем этапе происходит «разбор» (сравнение) альтернатив, в результате которого производится выбор альтернативы. Для принятия решения необходимо произвести оценку их правдоподобности. И в отличие от модели совершенной рациональности, в которой человек способен произвести сложные математические расчеты для определения из представленных альтернатив единственно верного решения, в рамках «повседневной рациональности» индивид проводит «драматические репетиции» альтернатив, представляя их как свершившиеся поступки, мысля себя в совершенном будущем времени. Так, осуществляется оценка степени правдоподобности альтернатив. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это сравнение альтернативных проектов и выбор может происходить только в ситуации сомнения, когда релевантные элементы ставятся под вопрос. «Выбор – не возникновение предпочтения из безразличия. Это появление единого предпочтения из конкурирующих предпочтений» [3, с. 128]. Как появляются альтернативы? В работе «Выбор между проектами действия» находим ответ: появление подлинных альтернатив и выбор между ними также определяются биографической ситуацией, системой актуальных интересов, мотивов. Все элементы, с которыми связан процесс выбора и которые его определяют, Шюц называет *системой релевантностей*, выделяя тематическую, мотивационную и интерпретативную. Выбор всегда каузальный. При этом так же, как переживаемая ситуация всегда сопоставляется с типичными ей ситуациями, имеющимися в «запасе наличного знания», так и принятие решения осуществляется через сопоставление типичной ситуации с типичными решениями. «Проектируя свой предстоящий акт в будущем совершенном времени, я опираюсь на мое знание ранее совершенных поступков, типически подобных предписываемому, и на мое знание типически релевантных черт ситуации, в которой это проектируемое действие будет происходить, в том числе моей личной биографически детерминированной ситуации» [3, с. 118].

Таким образом, любое проектирование начинается с представления ситуации уже реализованного проекта. Альтернативный проект, получивший наиболее высокую оценку правдоподобности в ходе «драматической репетиции», выбирается для реализации. И только после этого актер приступает к проектированию, обдумыванию конкретных шагов.

Представленный Шюцем феноменологический подход к пониманию выбора может стать концептуальной схемой исследования данного феномена в конкретной сфере или ситуации.

Библиографический список:

1. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
2. Филипсон М. Феноменологическая философия и социология // Новые направления в социологической теории: сб. ст. М.: Прогресс, 1978. 392 с.
3. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
5. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // URL: http://www.bookam.net/read/burde_p_/page0/struktura_gabitus_praktika_pierre_bourdieu_le_sens_pratique_.html.

6. Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 4. С. 11–30.
7. Корбут А.М. Концепция конститутивного порядка в этнометодологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 65–82.
8. Аннмари Мол. Множественное тело // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 232–247.

References

1. Joas H. Creativity of action. SPb., Aleteiia, 2005, 320 p. [in Russian].
2. Filipson M. Phenomenological philosophy and sociology. *Novye napravleniia v sotsiologicheskoi teorii: sb.st.* [New directions in the sociological theory: collection of articles]. M., Progress, 1978, 392 p. [in Russian].
3. Schütz A. Selected: The world shining with the sense. M., ROSSPEN, 2004, 1056 p. [in Russian].
4. Parsons T. Structure of social action. M., Akademicheskii Proekt, 2000, 880 p. [in Russian].
5. Bourdieu P. Structure, Habitus, Practice. Retrieved from: http://www.bookam.net/read/burde_p_/page0/struktura__gabitus__praktika__pierre_bourdieu__le_sens_pratique_.html [in Russian].
6. Hodgson G. Hidden persuaders: institutes and individuals in economic theory. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Herald of Rostov State University], 2003, Vol. 1, no. 4, pp. 11–30 [in Russian].
7. Korbut A.M. The concept of a constitutive order in ethnomethodology. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2013, no. 2, pp. 65–82 [in Russian].
8. Annmari Mol. A multiple body. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2015, Vol. 27, no. 1, pp. 232–247 [in Russian].

*I.E. Finkelshtein**

CONCEPTUALIZING OF THE PHENOMENON OF CHOICE IN THE PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY OF A. SCHÜTZ

This article is devoted to the problem of choice in the phenomenological sociology of A. Schütz. In this work, an emphasis is placed on the description of the choice formation process in everyday life. The author gives reasons why it is necessary to reject the abstract models of rationality and introduce the (so-called) concept of «daily rationality» in order to understand the choice formation process in the «stream» of life situations.

Key words: choice, rationality, drama rehearsal, credibility degree, present store of knowledge.

* *Finkelshtein Irina Evgenievna* (finik82@mail.ru), Department of Methodology of Sociological and Marketing Investigations, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.